

Мастер отложенной Смерти

RealRPG

Евгений Голубев

Евгений Голубев

Мастер отложенной смерти

<https://litres.ru/74369392>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга цикла "Система". Зомби-апокалипсис обрушился на мир, погрузив города в хаос. Ошарашенные люди отчаянно цеплялись за жизнь, но судьба готовила им новый поворот. Спустя сутки реальность переписала правила: в мир ворвалась Система. Она наделила выживших базовыми навыками и присвоила каждому класс — в зависимости от того, как человек держался в первые критические часы. Илья волею судьбы оказался заперт в подвале. Казалось, стены защищали от орд заражённых, но голод и тьма становились не менее страшными врагами. Какой класс достанется тому, кто не сражался, а выживал в тишине? Какие навыки помогут выбраться из ловушки, когда мир рушится на глазах? История о том, как осторожность и расчёт могут стать самым грозным оружием.

Содержание

Часть 1. Взаперти	4
Глава 1.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Евгений Голубев

Мастер отложенной смерти

Часть 1. Взаперти

Глава 1.

Илья Морозов сидел в темноте, прижавшись плечом к шершавой кирпичной стене, и смотрел на улицу сквозь слуховое окно без стекла. Окно находилось на уровне асфальта — словно узкая прорезь в привычный мир, через которую просачивался умирающий свет дня. Снаружи уже темнело: небо наливалось густой, недоброй синевой, будто кто-то вылил в него чернила и теперь они медленно расплзались по куполу неба, стирая последние оттенки заката. В этой синеве не оставалось ни тепла, ни надежды — только холодная, равнодушная тяжесть, словно сама атмосфера решила подчеркнуть, что день окончательно проиграл ночи.

Каждый шорох снаружи отдавался в груди колючим ударом, и Илья вздрагивал, даже если это был просто ветер, шелепящий обрывок пакета где-то рядом. Он прислушивался к каждому звуку, раскладывая их по полочкам, как будто от этого зависела его жизнь — а она, похоже, действительно

зависела. Скрип металла вдалеке, чейто сдавленный крик, оборвавшийся на полуслове, и потом — этот низкий, утробный рык, от которого волосы на затылке вставали дыбом. Илья сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, оставляя на коже тонкие полумесяцы, почти незаметные в темноте, но остро ощутимые. Ему хотелось зажмуриться и проснуться, но реальность не собиралась отпускать. Она цеплялась за него холодом сырого подвала, тяжестью страха и этой узкой щелью окна, через которую он видел, как рушится мир.

Гдето вдалеке грянул выстрел. Звук ударил по ушам, резкий и чужой, и городской шум, прежде казавшийся фоном, теперь рассыпался на отдельные, пугающие фрагменты: шорохи, хрипящие звуки, торопливые шаги, будто сама улица ожила и металась в панике. Илья отступил вглубь подвала, стараясь слиться с темнотой, стать частью тени, незаметной и безмолвной. На асфальт легли несколько удлинённых теней — их породило садящееся солнце, которое ещё цеплялось за горизонт, будто не хотело оставлять город на растерзание ночи. Шаркающие шаги стремительно удалялись по направлению к месту, откуда донёсся звук выстрела, и каждый их удар по асфальту отдавался внутри Ильи глухим эхом тревоги. «Они повсюду, — мелькнула и тут же осела в сознании тяжёлым грузом мысль. — Главное — не шуметь, иначе мне хана».

А ведь всё начиналось так буднично. Он возвращался из

магазина с сумкой продуктов: хлеб, молоко, банка горошка, палка колбасы — обычные вещи, из которых складывается привычная жизнь. Илья помнил, как думал тогда, что дома заварит крепкий чай, сядет у окна и наконецто дочитает ту странную книгу про постапокалипсис, которую ему подсунил знакомый. «Для атмосферы», — усмехнулся он тогда. Ирония теперь казалась злой и неуместной, почти издевательской, как насмешка судьбы, которая подкидывает репетицию катастрофы, чтобы потом устроить настоящую.

Поворот за угол — и привычный мир треснул по швам. Сначала он увидел мужика, который вцепился зубами в плечо парня. Тот орал и вырывался, дёргаясь, как марионетка с обрезанными нитями. Илья замер на секунду, не в силах поверить: мозг отчаянно пытался понять, что происходит, цепляясь за любые объяснения, кроме самого очевидного. Не похоже на драку. На что похоже, он определил мгновенно, но поверить в реальность происходящего не мог. Может, это съёмки? Может, у них тут какойто перформанс, а он просто не в курсе? Но крики о помощи, доносившиеся теперь с разных сторон, звучали слишком понастоящему — в них не было ни актёрской интонации, ни намёка на постановку, только животный, чистый ужас.

Илья поспешил обойти «дерущихся», прижимая к груди содержимое сумки, будто оно могло защитить, хотя понимал, что картон и полиэтилен не спасут от того, что творилось вокруг. И тут он увидел ещё одного. Тот шёл рва-

ной, дёрганой походкой, словно его тело отказывалось подчиняться привычной механике движения. Рычание вырывалось из горла, хриплое и злое, словно внутри застряла сломанная сирена. Кожа была синюшной, неестественно тёмной, будто впитала в себя всю грязь и холод улицы, а глаза... он до сих пор видел их перед собой: белки в сетке полопавшихся капилляров, зрачки мутные, пустые, как у сломанной куклы. Все признаки были налицо — те самые, о которых писали в книгах и показывали в фильмах. И вот теперь эти фильмы и игры делали своё дело: организм не стал тратить время на сомнения. Ноги сами понесли его прочь, в поисках укрытия, действуя быстрее, чем разум успевал отдавать приказы.

Илья рванул на себя старую железную дверь с облупившейся краской, ввалился внутрь подвала и захлопнул её с такой силой, что ручка осталась у него в руке — холодная, чужая, будто деталь от совершенно другой двери, не имевшей к нему никакого отношения. В тот же миг внутренности замка с жалобным хрустом провалились внутрь двери. Щёлк. И тишина — тяжёлая, давящая, настоящая. Он остался заперт. В этом звуке было что-то окончательное, как в щелчке затвора или в закрытии крышки гроба.

В те первые мгновения он даже не думал — только действовал. Сердце бешено колотилось, дыхание сбивалось, а в голове крутилась одна мысль: «Только бы не услышали, только бы не пошли следом». Илья отполз в темноту, прижался

спиной к стене и замер. И почти сразу снаружи донеслись тяжёлые, шаркающие шаги. Ктото — или чтото — подошло к двери. Он слышал, как снаружи скребут по металлу, будто пытаются нащупать щель, почувствовать, есть ли внутри тепло живого тела. Потом раздался глухой удар, ещё один, и ещё. Зомби ломились к нему, проверяя преграду на прочность. Илья закрыл глаза и стиснул зубы, стараясь не дышать, и в этой попытке стать невидимым он чувствовал, как холод стены пробирается сквозь одежду, как сырость оседает на коже, как тишина становится почти осязаемой. Каждая секунда тянулась как вечность, растягиваясь в бесконечную петлю страха. А потом шаги начали удаляться, растворяясь в общем шуме улицы. Только тогда он позволил себе сделать первый нормальный вдох, и этот вдох был таким глубоким, что в груди закололо от напряжения.

Теперь Илья сидел здесь, в полумраке, и смотрел, как на улице догорает день — и вместе с ним, кажется, догорал привычный мир. Узкое слуховое окно было единственным путём наружу, но он в него не пролез бы: слишком узкое, слишком низкое, рассчитанное на вентиляцию, а не на побег. Ему оставалось только наблюдать, как снаружи, почти на уровне его глаз, разворачивается кошмар. Зомби — теперь Илья не боялся этого слова, оно стало для него реальным, таким же будничным, как «хлеб» или «молоко», как слово, которое теряет пугающую силу от постоянного повторения, — медленно бродили по тротуару, натыкались на стены, зами-

рали, будто прислушиваясь к чемуто, что обычный человек не способен услышать, а потом снова шли вперёд, ведомые голодом или тем, что теперь заменяло им желания. Иногда они находили жертву: резкий крик, короткая возня, и потом тишина, в которой слышалось только чавканье, сухое и жуткое, как звук ломающейся ветки в морозном лесу.

Илья отвёл взгляд, но тут же заставил себя посмотреть снова. Нельзя прятаться от правды, даже если она режет глаза, как осколок стекла. Он должен был видеть, должен был понимать, что происходит, чтобы выжить. Рядом лежала свёртка с едой: батон в бумаге и банка горошка. Обычные вещи, которые теперь казались частью другой эпохи, будто их принесли из прежнего, спокойного времени. Илья провёл ладонью по лицу, стирая невидимую пыль, и попытался справиться с мыслями, чувствуя, как под пальцами грубеет щетина, как кожа кажется чужой, будто он смотрит на себя со стороны.

«Так, спокойно, — прошептал он себе, хотя в подвале никого не было, кроме него и темноты. — Сначала понять, потом действовать. Не паниковать». Голос прозвучал тихо, почти беззвучно, но в замкнутом пространстве подвала даже шёпот казался громким, как предупреждение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.